

Явление по имени «Ларин»

Николай Смирнов

Профессор, кандидат технических наук, ЗТР, обладатель 9 Дана по каратэ, заслуженный мастер БИ, член президиума Зала славы боевых искусств (США, Испания) действительный член Российской академии каратэ и Российской инженерной академии, главный редактор русскоязычной версии журнала о боевых искусствах мира «Budo International».

Говорят – большое видится на расстоянии. Увы, никто не сказал насколько большое и на каком расстоянии. Необходимость в этой статье возникла давно. Владимир Иванович Илларионов, «Ларин», «Лаврентий» – явление в нашей культуре. Причём, говоря слово «культура», я бы не подгонял к нему абсолютно неуместное здесь прилагательное «физическая». Тогда это была другая культура, всеобъемлющая.

Будем честны. Практически нет людей, которые бы сказали про Илларионова «какой замечательный был человек», но мало и тех, кто бы спросил «а кто это?» или «вообще, зачем про него?» Увы, время безжалостно, поколения сменяются, и потихоньку начали появляться те, для кого это имя ничего не говорит. А вот это совсем неправильно! Ларин – это явление, в каком-то смысле, дитя своего времени, но такое, непокорное и потому не очень любимое. Ниже вы прочтёте отзывы самых разных людей, скорее даже не отзывы, а впечатления. Сознаемся – порой вынужденные, мы сильно к ним приставали. Додали не всех. Тем эти впечатления и ценнее. Будут ещё отзывы про него. Обещался Алексей Штурмин, ещё несколько знаковых людей нашей страны и наших соседей. Напечатаем всех.

Начав заниматься у лучшего тренера всех времён и народов, для меня, по крайней мере, у Вячеслава Барковского, я вдруг узнал, что заслужил аудиенции у его тренера. У самого Ларина. Мы

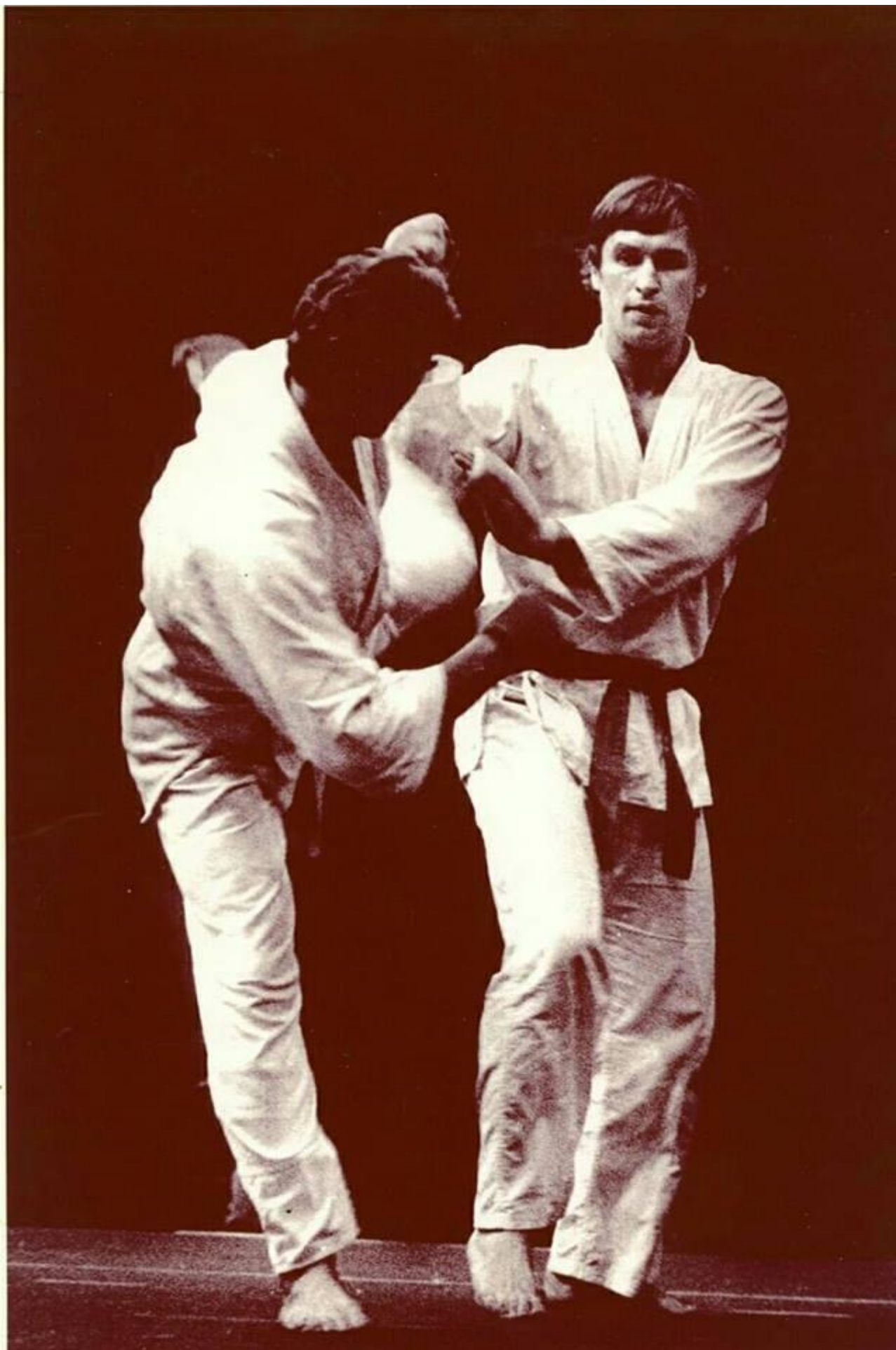
увиделись на улице, по-моему, на Ковенском переулке. Ларин, я только потом узнал, что он на самом деле Илларионов, был шикарен. Длинное, почти до земли, чёрное кожаное пальто (серьёзный атрибут серьёзных людей в 70-е годы), рысья шапка, взгляд, устремлённый в неведомые для тебя дали. Слава, всегда уверенный в себе, почти робко меня представил. Для меня это был шок. Не фокусирующиеся глаза увидели что-то прямо за мной. Внимательно посмотрев на это что-то, великий человек промолвил: «Пусть приходит».

Не буду писать про его тренировки. Многие их вспоминают. Отмечу только, что меня удивило. Он жил в своём, параллельном мире, работал не меньше, если не больше, тех, кто пришёл на тренировку, толком ничего не объяснял, только показывал. Если ты понял и нашёл – молодец, значит, дорос. Не понял – это не твоё. По крайней мере, пока. Обратной связи не было. Понимание смысла предлагаемых им упражнений приходило внезапно и, порой, много позже.

Повторюсь, он жил в своём мире и по своим правилам. Помню, как Слава (Барковский) в своём фильме «Русский транзит» переделал сценарий и ввёл туда Илларионова и его дочь, это было уже после печальных событий в его жизни, после возвращения. Барковский сделал так специально, чтобы вернуть Володю в строй, вывести опять наверх, можно сказать. Ларин не сказал ни слова благодарности в ответ – а как же могло быть иначе?!

Я приглашал его в разные поездки, и каждый раз у меня было ощущение, что мне и всем моим ребятам сделали большое одолжение, а у него есть своё понимание смысла поездки и всего происходящего. Например, в США наша команда поехала на международный турнир, который мы сами и организовали, назвав «Открытым первенством АЙМАКа в Северной Америке». Было это в городе Йорк, штат Пенсильвания, (первая, хоть и сорокаминутная, но столица Штатов, между прочим). Участвовало, помимо нас и американцев, ещё пять стран. Соревнования были пафосные – губернатор, сенаторы, мэр, оркестр, пресса, телевидение, но судили плохо – засуживали от всей американской души. Пришлось носиться и скандалить. Володя был спокоен и величав. Причём его спокойствие было даже раздражающим. Когда нам с ним предложили выйти и побиться с местными ветеранами-чемпионами, я позвал его в зал, чтобы немного размяться. В ответе был весь Илларионов: «Зачем? Фуфлю нам не подсунут, а серьёзные у себя дома не рискнут нам проиграть и авторитет потерять. Расслабься, никто не выйдет! Мы уже победили. Чего волноваться. Пусть они волнуются».

Это Ларин!

А теперь, свидетели его жизни....

Итак:

Явление по имени «Ларин»

Алексей Левицкий

Профессор, доктор педагогических наук, мастер спорта СССР по дзюдо, 6 дан, Почетный работник высшего профессионального образования, действительный член Петровской академии наук и искусств (2 «Оскара» в боевых искусствах 2010 и 2013)

Среди мастеров с большой буквы, мастеров отечественного каратэ, коих я в силу возраста и специфики своих давних интересов к боевым искусствам, видел немало, а со многими знаком лично, однозначно выделялся Владимир Илларионов. И связано это было даже не с высочайшим уровнем техники, который, повторюсь, имелся у многих, но с умением подать себя, выделиться в хорошем смысле, может быть, даже покрасоваться, подчёркивая свои, не надуманные достоинства.

Медленный, без суеты, выход на поединок, махровый халат (по тем временам экзотика для наших спортсменов), неспешные поклоны, яркое артистическое поведение во время боя – всё это производило впечатление. Между прочим, число желающих приобщиться к экзотическому и труднодоступному в те времена каратэ, после увиденного, резко увеличивалось.

Люди, опередившее свое время, всегда наделены тяжёлой судьбой. К сожалению, не стал исключением и Володя. Но в истории отечественных боевых искусств он занял значимое почётное место.

Виктор Смекалин

Начало занятий каратэ 1974 год. Чемпион Москвы в 1979, 1980 и в 1981 годах. Победитель первых всесоюзных соревнований, 5 дан КОИ, судья ЕКУ(WKF)

Впервые с Володией Илларионовым я встретился в Москве, на аттестации тренеров, в 1978 году. Среди всех нас он отличался, я бы сказал, изяществом и лёгкостью ударов и ведения поединков. Это обращало на себя внимание многих присутствующих в зале, однако, я не смог тогда оценить его технику, пока не испытал её на собственном теле.

Это было в Таллинне, на первых всесоюзных соревнованиях 1979 года. Я стал победителем в своей весовой категории до 75 кг и был заявлен в «абсолютку». Самый главный поединок, я считал, будет с Илларионовым, и неплохо к нему подготовился. Единственное, смущала кровавая мозоль на ноге, заработанная на крашенных полах спортзала (работали без татами). За полгода до этого мы выступали в финале кубка Таллинна, и я хорошо, как мне казалось, изучил манеру Володи. Я думаю, что он тоже следил за мной. Перед выходом на площадку Володя бросил в мою сторону фразу «Витя, сделай хотя бы вид, что ты меня не боишься».

Как он меня купил! Надеюсь на свои длинные руки, я бросился сразу в атаку (я же его не боюсь) и дважды нарвался на встречный удар. Потом я сообразил, что Ларин ждал именно такого моего поведения и воспользовался им.

Изменив тактику, я отыграл очко и надеялся на победу или ничью. Но Володя сделал прямой гамбит, он опустил руки, открылся и я провёл атаку в голову, а через секунду сидел, скрючившись, на площадке, без возможности вздохнуть. Чистый иппон. Я проиграл по очкам, до меня Ларин выносил всех вчистую. Одна из любимых фотографий, которая висит у меня в зале, это мы на пьедестале за «абсолютку»: я, Олев Кивиранд (второе место) и победитель Владимир Илларионов.

Другой яркий эпизод, где Ларин проявил себя как неординарный тренер, был на вторых всесоюзных в Ленинграде. Я впервые видел как грамотно, без лишних слов, можно руководить действиями бойцов. Стоя напротив своего спортсмена на краю площадки, Володя почти незаметно, жестом, показывал уровень и удар, кивок головой и боец, в точности повторив подсказку, зарабатывает очки. На этих соревнованиях сборная Ленинграда выступила с блеском. Хочу отметить, что в поединке с ленинградцем меня дисквалифицировали – убрали конкурента. Думаю, не без участия Илларионова. Без обвинения в допинге, правда, но спорт он разный, бывает всякое.

Много лет спустя в Москве проводился турнир ветеранов и меня попросили встретить и разместить великих мастеров, в частности КАРПОВА И ИЛЛАРИОНОВА. В конце соревнований, уже на фуршете, я обратил внимание на одиноко стоящего Володю. Спросил у Карпова, что произошло. Он ответил «Илларионов со всеми переругался, никого видеть не хочет». Я подошёл: «Володя, выпьем?» – «С тобой выпью». Мы редко созванивались, но тёплые, дружеские отношения остались до конца.

Николай Карпов

Неоднократный чемпион Ленинграда, всесоюзных соревнований, СССР, международного турнира «Галлинский бульдог», мастер спорта СССР по каратэ.

С Лариным, то есть с Владимиром Илларионовым, я впервые встретился на первом официальном показательном турнире в Ленинграде, году в 1978. Турнир был небольшой, и мы с ним бились в финале в «тяжах», а потом в «абсолютке». Судейство было несколько странным – нам присудили два первых места. Бывает, видимо, но редко.

Что могу о нём сказать, как о бойце? Мне с ним было легче, чем, например, с Ришами. Те бились очень жёстко и агрессивно. Володя работал в другой манере – мягкой, несколько тягучей, но от этого не менее эффективной.

Отличительной его манерой являлась способность думать, видимо, сказывалось университетское образование. Он искал серьёзных учителей, но при этом никогда никого не копировал. Много брал у всех, у того же Ванга, Клемана, Занга, а взятое перерабатывал под себя.

Не скажу, что Ларин был не от мира сего, но иногда вёл себя просто странно. Например, история с его дисквалификацией из сборной. На него написали кляузу, что он нарушает спортивный режим. Вместо того, чтобы повиниться, как это было принято, он вдруг потребовал наказать кляузника, ну, и получил серьёзное наказание – не надо идти против системы.

Вообще, скажу, Лаврентий, не имея никаких особых данных, сделал себя сам. И как сделал! Пахота, и ещё раз пахота! Но пахота продуманная, когда пахарь точно знает, что и как ему надо делать!

Арнольд Риш

Неоднократный чемпион Ленинграда, всесоюзных соревнований, СССР, международного турнира «Таллиннский бульдог», мастер спорта СССР по каратэ.

Первый раз я увидел Владимира Илларионова в ноябре 1979 года на чемпионате Ленинграда по каратэ. Уже в это время он считался, и я бы сказал, являлся, признанным мастером боевых искусств, обладал хорошей техникой и тактикой ведения боя. Свои бои проводил уверенно, без лишних эмоций, результативно.

Как тренер Володя воспитал целую плеяду хороших спортсменов, чемпионов и призёров Ленинграда, СССР и международных турниров. У него было чему поучиться!

С ним, непосредственно, мы мало общались лично. В основном на учебно–тренировочных сборах и на соревнованиях. Дело в том, что мы находились по разные стороны «баррикад»: я в спортивном обществе «Труд», потом в СКА, а Володя в «Спартаке». Так что наша спортивная жизнь протекала в здоровой спортивной конкуренции.

Хоан Винь Занг (Вьетнам)

Президента Вьетнамской Федерации Традиционных Боевых Искусств (Вокочуиен), Президент Мировой Федерации по Вьетнамским Традиционным Боевым Искусствам (World Federation of Vietnam Vocotrueuен). На сегодняшний день, в составе WFVV входит около 70 стран-участниц с пяти континентов.

В конце 1979 года ко мне пришел мой ученик – главный тренер по Каратэ в Сочи Владимир Емельянов (не знаю, как точно пишется его фамилия). В то время я был аспирантом в Национальном университете физического воспитания и спорта Украины, жил на Кустанайской улице, недалеко от Автовокзала.

Владимир пригласил меня на дружественный бой между «великими людьми» в Каратэ. Один из бойцов – абсолютный чемпион Каратэ Республики Конго Клеман Яндом, а второй – абсолютный чемпион Каратэ СССР. Меня пригласили как человека, который знал Вин Чун. В те времена мало кто знал этот вид китайского боевого искусства.

Тренировочный зал не очень большой, но достаточно светлый и просторный. Стулья расставлены вдоль стен. Я просидел минут 5, как ко мне подошёл поздороваться Клеман. Очень энергично и вежливо. Кажется, это был тренировочный зал, который Клеман снимал для тренировки Каратэ своих учеников.

Через несколько минут в зале поднялась суматоха при появлении одного «красавца». Это был Владимир Илларионов, знакомые называли его Ларин. Внешне Ларин ничуть не уступал Клеману (рост у Ларина выше 1 метра 80 сантиметров). Мне представили Владимира как абсолютного чемпиона Каратэ СССР из Ленинграда. Все мы свободно разговаривали на русском, поэтому разговор шёл легко и весело, как о спорте, так и об обыденных делах.

Владимир из Сочи также был близок с Лариным, он учился Каратэ у Ларина. Мы обсуждали технические моменты Каратэ, и я сказал Ларину с Клеманом: «Ваш Каратэ очень силен, есть различные техники нападения, используя все части тела. А мой вид боевого искусства Вин Чун был создан Великим Мастером – женщиной, за сотни лет до того, как его признали. Название этого боевого искусства было названо в честь этой Великой Учительницы Вин Чун и означает «вечная весна». Поэтому все приёмы очень плавные и мало передвижений. Особенностью является предназначение для боя на лодке, а вы сами знаете, что лодки имеют не очень-то большое пространство, всего пару квадратных метров.

Ларин мне ответил: «Не будьте столь скромными. Помимо Каратэ, мы тут также хотели бы узнать больше о школе Вин Чун. Все мы считаем Брюса Ли легендой».

Я встал, а за мной поднялся и Ларин. Я пригласил Ларина сделать удар цуки и объяснил, что в Вин Чун сперва от таких ударов уклоняются, а после применяется техника Змеи, для защиты, и техника Журавля, для нападения (удар Нукитэ), одновременно левая рука всегда в защите расположена в центре тела, колени немного согнуты и сомкнуты для защиты от ударов ногами.

Ларин и Клеман наблюдали очень внимательно и похвально кивали головами (наверное, из-за вежливости).

Так как бой был лишь дружественным в плане техники, то бойцам было запрещено наносить сильные удары, причинять ушибы сопернику. Ларин и Клеман вели бой лишь в 70-80% своих сил, показывая свои техники и стили боя, реакцию на удары, их нейтрализацию. Каждый раз, когда Ларин или Клеман делали ряд быстрых и точных движений, весь зал взрывался аплодисментами.

Я никогда не забуду эти воспоминания. После у нас с Клеманом тоже была возможность для дружественного боя в лесу.

Спустя короткое время Ларин пригласил меня с Владимиром из Сочи на соревнование по Каратэ в Москве. Наши места на трибуне были почти в VIP-зоне. После соревнований мы много обсуждали боевые искусства, различные техники, стили, и Ларину очень хотелось узнать больше о Вин Чун. Ему было любопытно, как наносить или защищаться от ударов.

Ларин оставил во мне очень яркие впечатления. Это был немного полный, высокий, красивый мужчина ростом свыше 180 сантиметров. Особенно впечатляли его выступления. Неземная харизма и сила проявлялись через его удары вместе с Кимэ. По праву, настоящий абсолютный чемпион Каратэ «Березовой Родины».

Владимир был очень вежливым и заботливым человеком. Он обращал внимание на малейшие движения Вин Чун, которые я ему показывал. У меня был тогда довольно-таки низкий уровень в Вин Чун, но благодаря хорошему знанию русского языка, я мог детально объяснить все методики. Поэтому многие считали, что у меня «довольно высокий» уровень.

Ларин «потасил» нас с Владимиром из Сочи в Москву на встречи с некоторыми людьми. Одним из них был Штурмин, кажется, первый человек, который принес Каратэ в Россию. Штурмин, вместе с его учениками, встретил нас очень торжественно и тепло. Я помню об этом по сей день. Нам оказали очень дружественный приём. И я почувствовал, что встретили нас так потому, что все очень любили и уважали Владимира Илларионова. Это было уважение не только как к чемпиону, к тренеру с большим опытом, но прежде всего, как к самому человеку. К человеку, одновременно сильному, искреннему и преданному своим друзьям и близким. И, конечно же, Ларин внёс огромный вклад в развитие Каратэ в свой город-порт Ленинград.

Очень жаль, но в то время у нас не было в планах заснять нашу дружбу. Единственная совместная фотография была снята, когда мы смотрели соревнования по Каратэ в Москве.

Наши пути редко пересекались, но этого было достаточно, чтобы этот человек, полный истинного духа боевого искусства, оставил яркий отпечаток во мне.

В последние встречи с Лариным в Ленинграде я был приглашён на ужин. Мы ели, пили чай и обсуждали общие воспоминания. И радостные, и грустные.

По сей день, каждый раз, когда кто-то упоминает о Владимире Илларионове, во мне загорается гордость. Гордость и благодарность жизни за то, что мне посчастливилось стать другом с такой легендой. Эта дружба останется во мне навеки.

Евгений Галицын

Первый черный пояс по каратэ в Ленинграде, старший тренер сборных команд ЛенВО и Ленинграда в 70–80-х, заслуженный мастер БИ и заслуженный тренер БИ, обладатель 8 Дана каратэ. Наследник и официальный правопреемник школы «ЛяоКаратэДо Нэко-рю» в России, председатель Элитарного клуба хранителей воинских традиций (Санкт-Петербург)

С Илларионовым мы впервые встретились в 1973 году. Володя сам нашёл меня, приехал ко мне в общежитие ЛГУ после того, как летом 1973 для завязывания контактов слетал в Донецк к Игорю Лазареву и Александру Гончарову. Они дали ему мой адрес и порекомендовали найти меня, чтобы нам заниматься вместе. Он в первый же день знакомства предложил перебраться из общежития к нему на квартиру, на Гончарную улицу, чтобы вместе тренироваться. Я согласился. Так начались наши, практически ежедневные совместные тренировки, которые продолжались до начала 1976 года. Из-за них меня чуть не отчислили из университета...

Я могу детально и в нюансах говорить, прежде всего, о первых годах его становления как мастера, потому что мы с ним в каратэ росли и учились всему вместе. Сначала мы наполняли внешнюю форму шотокановской техники внутренней динамикой Нэко-рю на основе рекомендаций и конспектов тренировок Ванга. Чуть позже добавили современные тренировочные методики работы над таймингом, точностью, силой, почерпнутые из работ Альбрехта Флюгера, из Тао-Джит-Кундо Брюса Ли... Мы их не просто прочитали, а «пропотели» в зале.

За два года до официального открытия каратэ в СССР 70-х мы с братом познакомили его с Клеманом и Зангом, у которых он получил окончательную «мастерскую огранку». И в 80-м году он на всесоюзный семинар тренеров приехал уже в кимоно с эмблемой Ларин-рю...

Нас в 70-х, начале 80-х многое связывало. В самом начале 70-х мы стали друзьями, и он почти три года в каратэ был моим учеником и спарринг – партнёром (1973-1975). Параллельно с нашими тренировками он набрал несколько учебных групп. Когда количество групп выросло и времени в зале нам стало не хватать, я получил предложение тренировать офицеров ЛенВО и перешел в СКА, а он организовал, и с ребятами фактически построил, клуб «Олимп». Таким образом, накануне появления официального каратэ, мы на городской арене стали конкурентами (я – СКА, он – Олимп и «Спартак»). Однако на всесоюзной арене мы были вместе единой командой – он был старшим тренером сборной, я – вторым тренером, и мы вместе готовили сборную Ленинграда к первенствам и чемпионатам Союза...

Как спортсмен он был чрезвычайно работоспособный, целеустремлённый, умный, думающий, умеющий соединить разные стили и манеры ведения схваток, и отбросить всё, что не подходило для достижения его целей, при этом очень самолюбивый и честолюбивый.

Как тренер – стратегически мыслящий, очень харизматичный, умеющий найти подход и грамотно использовать особенности характера спортсмена. Он был прекрасным организатором и мог отстаивать и продвигать свои интересы практически на любом уровне.

Больше всего запомнилась его фанатичная преданность каратэ, его умение преподносить себя, умение входить в контакт, умение консолидировать команду, находить самые разные способы и пути для достижения своих целей, А в девяностые и двухтысячные годы – умение методически целостно оформить свою школу, и умение донести до многочисленных учеников своё понимание каратэ, сделать свою школу международной. При этом остаться в памяти учеников несомненным лидером советского каратэ. Это ему, безусловно, удалось.

Шеф-инструктор JSKA (Россия), 8 Дан, работал вместе с В. И. Илларионовым несколько лет как второй тренер

Мой путь в каратэ и к Илларионову был относительно длинным. В 1974 году Борис Шапиро начал заниматься каратэ у Александра Грумкина. Будучи в дружеских отношениях с Барковским, он и его приобщил к изучению этого искусства, а Слава, будучи дружен со мной, привёл меня на занятия в эту секцию каратэ.

В той же последовательности Шапиро ушел заниматься к Ларину в 1976 году, за ним Слава Барковский, а затем и я. После первого же занятия появилась уверенность, что это то, что искал.

Говоря про Владимира Ивановича, следует сказать, что все поиски основ каратэ, его базовой техники, в начале 70-х годов ориентировались, в основном, на систему Сетокан, самого массового стиля каратэ. Именно по этому стилю, на тот момент, была издана большая часть литературы и видеопособий. Сам Илларионов, правда, называл свой стиль «Нэко – рю», по наименованию школы мастера каратэ из Лаоса – Ванга, основы которой он и Евгений Галицын осваивали в начале 70-х годов в Донецке.

По рекомендации Е.Галицына и его брата А.Гончарова установились тесные контакты с донецкой школой «Нэко – рю», и дружеские отношения с основателями донецкой школы каратэ И.Лазаревым и В.Медведевым. Тем не менее, В.И.Илларионов, и, его ученики, начиная с 1976 года занимались в русле Сетокан Каратэ, а название «Нэко – рю» осталось фирменным названием клуба.

Становление собственного стиля для Илларионова в большой мере связано с его контактами (опять же с подачи Галицына) с Клеманом Яндом (Конго-Бразавиль, 3-й Дан Сетокан Каратэ) и Хоан Винь Зангом (Вьетнам, стиль Винь-Чунь). В конце 1970-х годов, будучи студентами Киевского университета, Клеман и Занг проводили совместные тренировки в общежитии университета. Нередко на эти тренировки приезжал и Илларионов. Несколько раз оба мастера проводили тренировки в Ленинграде. Совместные тренировки (особенно с участием Клемана) способствовали становлению у Илларионова правильной базовой техники Сетокан Каратэ.

Часто перед началом тренировки Владимир Иванович проводил опрос: какой теме посвятить данное занятие? Выслушав пожелания, он иногда выбирал предложенную тему, но, как правило, говорил: «А давайте поработаем медленно». Под этим подразумевалась система упражнений, выработанная им в результате тренировок с учителем Зангом. Эта система решала общую для всех «чаньских» боевых искусств (к которым, несомненно, относится Вин Чун) задачу регуляции поведения субъекта и объекта и перехода от последовательного, поэтапного характера, к одновременному. Движение субъекта и объекта обуславливаются не их последовательным взаимодействием, а целостным «схватыванием» ситуации в соответствии с закономерностями её

развития, что, в свою очередь, даёт возможность предвидеть действия противника и принимать опережающие решения.

Случалось, что, демонстрируя свою методику, В. И. Илларионов создавал весьма курьёзные ситуации. Достаточно вспомнить его полуфинальный бой на 2-ом всесоюзном первенстве по каратэ в октябре 1980 года в Ленинграде. Постепенно заставив противника снизить темп до минимального, Илларионов раскрывал его до такой степени, после которой должен был следовать завершающий удар. Но он «отпускал» партнёра и снова, передвижениями, заставлял его попадать в положения, в которых тот был беззащитен. В конце концов, судьи сочли действия Илларионова некорректными и дисквалифицировали его.

Владимир Иванович очень сильно проявил себя не только как «клубный тренер», но и как тренер сборной Ленинграда. Вспоминаются слова Илларионова: «Сначала надо вырастить грибницу, и для этого надо потрудиться, а потом можно собирать урожай. Грибы будут сами расти». Для создания этой «грибницы», работоспособного коллектива, «чемпионской» среды обитания, где на тренировках спортсмены учатся друг у друга, Владимир Иванович прилагал максимальные усилия. Очень часто на тренировки сборной команды ЛГС ДСО «Спартак» приглашались спортсмены других клубов, организаций, регионов России, союзных республик.

Олег Кириенко (Беларусь)

Неоднократный чемпион Беларуси, чемпион СССР, мастер спорта СССР, обладатель 7 Дана каратэ (Беларусь)

В 1978 году мы с коллегой и другом Александром Кожемякиным, благодаря Евгению Галицыну и Александру Гончарову, были приглашены в Горловку на показательные выступления по каратэ. Там впервые и увидели В.И. Илларионова в исполнении Камаэ но Ката. А познакомились в Донецке, после этих выступлений. Где бой Ларина с Александром Бумбу (Балекс) произвёл неизгладимое впечатление, ибо такого уровня мастерства мы не предоставляли. Думаю, даже сегодня этот бой никого бы не оставил равнодушным, не только искромётной техникой, но и психосоставляющей двух Мастеров, опередивших время.

Достижения В.И. Илларионова и его команды в спорте хорошо известны, хотя, признавая важность и необходимость спорта, он его считал лишь частью системы под названием Школа. Поэтому, думаю, данные определения или категории к нему не совсем подходят. Для меня это был Учитель, знающий куда глубже спортивной составляющей, соединивший борьбу и жизнь в единое целое.

Первая встреча с потрясающим впечатлением, перевернувшая моё представление и понимание борьбы. Также, конечно, многие фрагменты соревнований, их анализ, общение. Но главное – ощущение от спаррингов с ним, его супермастерство с философским подходом. Передача знаний, в том числе через метод медленной борьбы, что и питает до сих пор...

Сергей Киселёв

Мастер спорта СССР, 6 Дан Айкидо Айкикай, Лауреат Национальной премии «Золотой пояс», Президент Международной Евро-Азиатской федерации Айкидо, Вице-Президент Национального Совета Айкидо России, Президент Всестилевой федерации Айкидо России

С Володей Илларионовым мы только здоровались. Поэтому могу писать, как говорится, взгляд со стороны, правда, что помогает быть объективным. Занимаясь вначале боксом, а затем борьбой, я общался с ребятами из мира каратэ. Притом некоторые борцы (Демит Момот, Алексей Овчинников, Слава Цой, Сергей Клеверов и другие) увлеклись этим боевым искусством и стали хорошими специалистами.

В семидесятых годах ко мне в зал, где я работал тренером по самбо и дзюдо, стали приходиться тренироваться ребята из каратэ. Честно говоря, я тогда снисходительно относился к каратэ, поэтому было интересно попробовать что это такое. Эта проба состоялась с Колей Карповым, который залепил мне в голову парочку маваси гери, что сразу заставило меня изменить своё отношение к каратэ.

А общение со многими, действительно выдающимися каратистами (братьями Риш, А.Туник, Н.Карпов, Н.Нефёдов, С.Селиверстов, всех не перечислишь) привело меня, чисто для себя, и к занятиям, каратэ. Со многими мы подружились и дружим до настоящего времени.

Володю Илларионова (в городе его все звали Ларин) я впервые увидел на соревнованиях по дзюдо. Больших результатов в дзюдо он не показывал, чего нельзя было сказать о каратэ. Обратил я на него внимание на чемпионате в Таллинне, куда поехал с Альфатом Макашевым из любопытства. Володя выделялся не только техникой каратэ, но и умением использовать приёмы дзюдо в схватках. Так в одной из схваток, поймав ногу противника при выполнении маваси, он сделал отхват опорной ноги, с добиванием цки. В другой схватке, он поймал противника подсечкой. Для меня, как борца, это было привлекательно.

В то время в Ленинградском каратэ были две яркие группы, которые конкурировали между собой. Одна, где лидером был В.Илларионов, другая, где лидером был Олег Риш.

Я как-то быстро подружился с братьями Риш. Мне очень импонировало, что эти интеллигентные и эрудированные ребята, могли, если понадобится, физически вразумить хулигана. Поэтому на соревнованиях, я естественно «болел» за учеников О. Риша. Но что было привлекательно в Ленинградском каратэ? Несмотря на конкуренцию, я не видел и не слышал никакой «грязи» по отношению к противникам.

Для меня показателем состоявшегося спортсмена, является узнаваемость его не только в своём виде, но и в других единоборствах. Володя был известен. Разное было к нему отношение, как к человеку, но все были едины, признавая его большим мастером. Он был один из первых, кто создал славу Ленинградскому каратэ. Он выиграл самые престижные для того времени соревнования, вырастил целую плеяду ярких и сильных учеников, многие из которых продолжили его дело, работая тренерами. И конечно, он входил в число самых заметных спортсменов не только Ленинграда-Петербурга, но и всего Советского Союза и России. Думается, что запрет каратэ в начале 80-х, закрыл Ларину – Илларионову дорогу к мировой известности. Он был её достоин.

Чемпион Москвы, двукратный чемпион СССР, двукратный чемпион вооружённых сил, чемпион мира среди ветеранов, президент КОИ (Коба Осака), мастер спорта СССР, обладатель 8 Дана, обладатель Оскара в боевых искусствах.

С Володей мы познакомились, хотя лучше сказать увиделись, когда питерские приехали к нам на Цветной бульвар в Центральную школу. Не помню, что это было – то ли аттестация, или обсуждали планы по созданию федерации и правила. Про него я до этого только слышал, правда, говорить можно разное. Тогда было немало тех, о ком говорили, но потом они себя никак не проявили, ни как спортсмены, ни как тренеры, ни как организаторы.

Потом, примерно через полгода, по-моему, был Таллинн. Турнир там был международным, но тогда ещё не назывался «Таллинский бульдог», но всё равно были иностранцы и возникла возможность реально оценить свой уровень. Вот в Таллинне мы с ним и заружились.

Вообще, конкуренция, конечно, между сборными республик и Москвы, и Ленинграда, как самостоятельных субъектов в спортивном движении, была сильной. Мы с Питером тоже конкурировали, но и ухитрились дружить, даже раздевалки у нас на соревнованиях, как правило, были рядом. Вот такая, «конкурирующая» дружба, наверное, и была залогом прогресса двух наших сборных.

Володя любил думать, это, если разобраться, не всем дано. Умел под всё подвести базу. Интеллигентно и доказательно. Выходило по-разному, но иногда смешно. Помню, как в Ташкенте, Талгат Нигматуллин привёл телевидение в раздевалку и берёт интервью у Ларина, а тот пьёт пиво. Талгат, наверное, решил отомстить за проигрыш узбекского спортсмена и спрашивает:

– Как же так? Вы спортсмен, чемпион, на вас равняются, а вы, вот пиво...

Ларин на него с недоумением посмотрел и начал атаку:

– Как же так?! Вы же тоже спортсмен! Разве вы не знаете, что японские борцы обязательно пьют пиво после соревнований, чтобы восстановить водно-солевой баланс!

И пошёл, и пошёл. Короче, этот поединок Нигматуллин проиграл вчистую.

Если говорить про него как про бойца, то мне очень нравилась его манера ведения боя – мягкая, кошачья. Я сам стремился к такой. Мы шли несколькими разными путями, но пришли к одному результату. Плетёшь, плетёшь паутинку, человек в неё влетает и сразу получает. Вытащить человека на себя и на первое движение – контратака. Это наше!

Могу сказать о приятном, для меня лично. Он говорил, что среди советских каратистов, есть только два мастера, которые в бою заняты не только тактикой, но и стратегией – это я и Мусин. Для меня это как ещё одна медаль высокой пробы.

Как тренер он был своеобразен – не столько объяснял, сколько показывал. Человек смысл поймает, если интеллект есть. Пусть не сразу, но поймает. Копировщиков он не любил. Его подход был однозначен: каратэ — это не руки-ноги, это голова. Мозг! И он всё решает.

Приезжая в Питер, я всегда звонил ему, Барковскому, Нечаеву и Смирнову. Теперь осталось двое.

Не могу простить себе, что не смог приехать с ним проститься.... Но, может из-за этого, он для меня остаётся живым.

Занимался у Николая Смирнова, далее у В.И. Илларионова, с 1979 по 1983 года.
5й дуань Всекитайской ассоциации ушу, лауреат и призёр фестивалей и соревнований по внутренним стилям ушу в России, Европе и КНР в период с 1996 по 2004гг.

Первая встреча ошеломила. Неожиданно, врезалась в память на всю жизнь. Вот как сейчас вижу...

Переодевшись в тесной раздевалке, я пришёл в зал, где на борцовском ковре ожидало человек шестьдесят в белых кимоно. Знакомых не было, я осматривался и думал – в какой ряд встать, в первый или нет, решил быть скромнее – в третий. В таких раздумьях прошло минут 5-10, как вдруг в пространстве что-то мгновенно изменилось, как легкий ветерок, все как бы замерли (мне так показалось) и от входной двери по центру не пошёл, скорее поплыл, мягко и мощно, как большой кот, кто-то в чёрном кимоно – вероятно, это и был великий Ларин. Я решил представиться – пошёл наперерез, протягивая руку – на меня отреагировал лишь уголок рта, слегка опустившись (я успел заметить чуть оторванную картинку котенка на кимоно); в целом меня проигнорировали. Все встали в ряды, я в третий. Он – перед нами. Пауза...

И вдруг – он сделал шаг вперёд (все, и я, повторили). Казалось, движение не может быть более совершенным. Начало было незаметным, Ларин как жидкая капля невидимо перелился из начального положения в конечное. ... В этом действии присутствовала вся Вселенная. Тренировка пролетела как мгновение ± учитель не выходил из состояния, и держал в нем всё пространство группы. После завершения группа, не спеша, расходилась, а Владимир Иванович остался для учебного спарринга с мальчишкой лет одиннадцати – был в группе взрослых тогда и такой ученик. Я не мог оторваться и от этого зрелища – два человека, мощный мастер, весом 86 кг, и маленький худенький ученик – чувствовалось, что это не первая их встреча, двигались легко и спонтанно, напоминая двух играющих или дерущихся котов... Совершенно согласовано, и как бы на равных.

Я стоял у выхода из зала, возможно, моя челюсть отвисла от удивления в самом начале тренировки, и так оставалась в таком положении – они одновременно почувствовали в некий момент восхищённый взгляд – замерли, повернув на секунду головы в мою сторону, и так же мгновенно продолжили своё дело, не выходя из состояния.

Совершенно поражённый пережитым я ехал домой, вероятно, догадываясь, что встретил самую большую драгоценность человека на Пути – Мастера и Учителя.

Пролетели 5 лет. Мы переместились из зала с борцовским ковром напротив Большого Дома в свой клуб «Олимп» на Моховой, 8. С настоящим додзё, с эмблемой клуба (как-то заглянули к нам на тренировку два японца-кэмпоиста в своих халатах и с гигантской видеокамерой – выступили, потом Владимир Иванович руководил, всё было заснято, а эмблема на стене удостоилась отдельного крупного плана).

Помнится первая тренировка в новом месте – на пол додзё раскрошили воск и мы, наверное, неделю, босыми ногами естественным образом втирали его в струганные доски.

Этот зал помнил великих Галицина и Полякова, Цоя, почти на каждой тренировке в первом ряду сэмпаяев стояли Барковский и Осипов, чуть позже вернулся к тренировкам Дьячков. Во времена формирования сборной СССР в зале появились или появлялись Карпов, Туник, Момот, Остроброд, Ройтман и многие другие, чьи имена прозвучали на всех крупнейших соревнованиях по каратэ в СССР до запрета этого вида. Приезжал Медведев из Донецка, Кириенко из Минска – все авторитетные мастера того времени. Времени становления каратэ в СССР...

И над всем этим уникальным собранием мастеров, искателей и старателей боевого искусства парил дух Ларина, его образ и талант, весёлый и мощный образ воина. Именно он притянул в свой зал всех этих замечательных бойцов и удерживал там всё время до запрета.

Почему он? Наверное – личная сила, мастерство и обаяние этой чётко выстроенной силы. Вера в свой Путь и заинтересованность в развитии школы, доказательное мастерство. Способность зажечь и вызвать дух творчества у всех участников тренировок.

Владимир Иванович говорил и, что важнее, показывал, что бой можно воспринимать не как обмен ударами, а как высокоосмысленное и организованное движение. А движение, в свою очередь, можно понимать как принцип. В итоге, всё обучение выстраивалось как познание принципов движения тела и сознания. А это переводило всю ситуацию, по сути, на уровень Тайцзи-цюань (моё личное мнение), хотя это слово в те годы было почти неизвестным и формы делались, естественно, каратистские.

Школа опиралась, как уже всем известно, на Нэко-рю от лаосца Ванга, на Шотокан от Клеман Яндома, который жил и учился в то время аспирантуре киевского университета, и испытала значительное влияние вьетнамского мастера Винчун Хуан Ван Занга, в то время аспиранта киевского института физкультуры.

Владимир Иванович смог впитать науку своих наставников и сформировать свой собственный стиль, о котором уже тогда негромко говорили как о Ларин-рю. Сам же он настаивал на Нэко-рю («школа кошки»).

Как не называй – факт, который невозможно оспаривать – он создал уникальную ленинградскую школу каратэ, уверенно доказывавшую тогда свои преимущества на соревнованиях всесоюзного уровня.

Но – к моим впечатлениям. Во-первых, как спортсмен я не сформировался. Характер и интерес был не тот. Соответственно, мне трудно всерьёз комментировать выступления Ларина на соревнованиях. Победы, медали, его и его учеников, свидетельствуют достаточно. Меня интересовала другая сторона процесса. Я скорее созерцатель, йог, искатель внутреннего изменения, чем чемпион и победитель других. Ударить другого человека трудно мне...

И много раз я пытался добиться от ВИ ответа на один вопрос. Можно ли как-то достичь состояния, когда побеждают не мышцы, не внешняя сила, а другое качество, когда ты внешне расслаблен, но действуешь эффективно? Словесный ответ всегда был таков: «...если на тебя будут нападать – ты что, будешь расслабляться»? А настоящий, безмолвный, истинный ответ был на каждой тренировке – когда Ларин демонстрировал технику или вёл учебный свободный спарринг – это была абсолютная мягкость и текучесть, спонтанность реагирования на момент, созерцательная концентрация на внутреннем при полном контроле внешнего пространства и состояния партнёра.

Никакой текст, никакой рассказ не может передать живое впечатление от чуда техники Владимира Ивановича, его уникальной манеры двигаться, которую посчастливилось в те годы видеть всем участникам его работы на Моховой. К счастью, сохранились хотя бы мгновения видеозаписей того времени, и, к сожалению, не так много, как хотелось бы.

Что больше всего запомнилось из общения? Как всегда – мгновения. Конечно, их было много, но буду краток.

Первое, я уже описал выше, самое сильное. И всякие личные мелочи...

После первого года занятий, собираясь на каникулы в Киев, прошу разрешения потренироваться там у Клемана. Мы сидим в додзё на скамейке у входа. Спортивная сумка ВИ раскрыта, там английский журнал по боевым искусствам...

Листаю, запомнилась фото – худой китайский дед держит раскрытую ладонь над стопкой кирпичей ему по пояс. От ладони до земли идёт неровная трещина... Типа, разбил внутренней силой?! Тоже знаковый символ... (Спустя прошедшие 40 лет в интернете обнаружил это же фото в теме жёсткий цигун).

В ответ – после мгновенной паузы на слушание себя – «держай... адрес напишу позже». Так я оказался на тренировках Клемана и наше знакомство с этим замечательным человеком продлилось на долгое время.

Спустя несколько лет, после запрета, мы – в боксёрском зале на улице Некрасова, 1. Иногда заходят звёзды, чемпионы – Глушанин и Пищенко (в прошлом, ученики Остроброта, явно выделявшиеся и техникой, и характером боя).

Занимаемся... «ОФП» конечно. Каратэ - нельзя. Перед тренировкой вся группа бежит кросс по окружающим зал дождливым ленинградским улочкам, Ларин впереди, задаёт неспешный темп, выделяется гордой прямой осанкой индейского вождя... В зале небольшая группа верных энтузиастов... Как-то надо научиться вот этому «уза!... ооза!» Уникальный ларинский кий... Способствуют и тренажёры – жим от груди с надутым животом и с внутренним давлением... 200 кг - можно! Чем не внутренняя сила? Пытаемся перенять у Ларина текучий стиль спарринга, мгновенное изменение решений... Принцип малька в шаге. Принципы быстро-медленно, жёстко-мягко, принцип мягкой и жёсткой силы... Разница в тактике Клемана и Занга... Много упражнений.

Периодически показываю ВИ свой дневник – записываю тренировки, пытаюсь уточнять методики... Сохранились его правки. И как-то теплеет сердце...

Владимир Иванович для меня, со всеми внешними обстоятельствами его жизни и спортивной карьеры – человек внутренний, интуитивный. Человек Сердца. Ясно помнится это, пожалуй, самое важное для меня открытие. Я вдруг на тренировке почувствовал свое сердце – как реальность живую, заполняющую собой всю Вселенную. Это случилось именно в тот период занятий «ОФП» на Некрасова. С этого мгновения каждую свою самостоятельную тренировку я начинал со стойки камаэ, но держал ладони у сердца и ждал момента потепления, когда, мне казалось, я начинаю слышать всю Вселенную в целом. Позже, в китайских школах, практика столбового стояния, конечно, уточнилась и углубилась. Но это – самый большой дар Владимира Ивановича именно мне, и я несу его по жизни.

Потом был переезд в другой зал, и к тому времени мой интерес сместился во внутренние практики окончательно. Синхронно с этим ВИ был удалён от нас на десять лет.

Спустя этот срок он вернулся и начал налаживать свою жизнь, но я уже укоренился на своем «китайском» пути и встречи были редкими.

В 1996, уже далеко в недетском возрасте, я неожиданно выступил у Н.В. Смирнова на «Свободной России», предтече его Олимпиады «Восток-Запад», в номинации формы Ушу. Судил нашу номинацию сам главный судья соревнований из США. Участвовали известные молодые

спортсмены из Лесгафта, поглядывавшие на меня с некоторым удивлением, я тоже не рассчитывал на успех. Форму сделал просто и с удовольствием, и, к своему удивлению оказался на третьем месте. В момент вручения медалей перед нами оказался Ларин – помню его многозначительную усмешку.

В 2000 или 2001 я проводил 1-й чемпионат России по традиционному Ушу – он зашёл глянуть на событие, скромно постоял у стеночки недолго, ушёл по своим делам. Позже, по телефону, очень одобрил всё это моё дело....

В 2006 я написал книжку и вручил ему экземпляр. Мне показалось, В.И. не очень был доволен, что книга про китайцев, не про каратэ. Больше мы не виделись.

Внезапная весть о его смерти не помещалась в мозг – как это? Эта глыба, гигант, негибаемый воин? Так рано?! Но он ушёл.

В крематории собралось много людей. Пришли и те, кто любил, и те, кто завидовал и предавал его, и те, кто писал на него доносы по всем адресам.... Едва передвигаясь, пришёл проститься один из отцов-основателей каратэ в СССР - Альфат Макашев, вскоре и он ушёл из жизни...

Если решиться на сравнение – Ларин был похож на великого воина-викинга, которого отправляли в последнее плавание. Он был красив и в своих спаррингах, в том каратэ-до, которым жил свою жизнь, и в смерти.

В «Даодэцзин» написано: «...кто умер, но не забыт, тот бессмертен». Те, кто знали Владимира Ивановича, не забудут его никогда. Уверен, что многие чувствуют его присутствие рядом всегда. Он сформировал свой внутренний стержень у себя и у многих своих учеников. Я – один из многих, обязанных ему за это.

И всегда отдаю свой долг Учителю тем, что передаю то самое чувство сердца дальше, тем, кто готов его слышать.

Марк Тальянский (Украина)

2 Дан по Шотокан, мастер спорта СССР по самбо, чемпион Киева и Украины (Донецк 1979г. Первые официальные соревнования в УССР), судья международной категории по каратэ, Президент Федерации контактного каратэ Украины

«Эти события относятся к периоду с 1972 по 1980 года. Говорю только о том, что видел сам и в чём принимал участие лично, т.е. никаких «информационных прокладок» и «достоверных источников».

Я не мог не написать о Владимире Илларионове. Уверен, что его друзья, ученики, соратники объединят свои усилия в том, чтобы наследие Мастера не кануло в Лету и какие-либо недоговоренности, недоразумения отступят на второй план.

Верю, что Володины земляки, ленинградцы, во главе с его другом и соратником Евгением Галицыным, в качестве первого шага утвердят проведение ежегодного турнира, посвящённого памяти Владимира Илларионова.

Я уверен, что не только у меня Володя ассоциируется с Владимиром Высоцким - в Каратэ он спел свою песню, яркую и неповторимую!

Даже если бы он покинул нас в 100 лет, всё равно сказали бы, что он ушел преждевременно!»

Самый сильный боец из СССР, которого я видел и знал – это Ларин, к которому испытываю чувство глубочайшего уважения, благодарности, и у которого я многому научился.

Ларин – это необычайно талантливый, физически одарённый, хладнокровный, уверенный в себе, бесстрашный, интеллектуально развитый боец, взрыв, скорость, техника, тактика – всё на высшем уровне. По моему мнению, это был сильнейший спортсмен того времени (во всяком случае, я не видел ни одного, его превосходящего), что подтвердили не только его спарринги в разных частях СССР, но и звание абсолютного чемпиона СССР, выигранное в Таллине в 1979 году.

Пару слов о его учителе. Это Клеман Яндома, рассказать о котором в рамках интервью или одной статьи просто нереально. О нём могут очень многое поведать не только я и не только киевляне, но и сотни энтузиастов восточных единоборств, приверженцы разных стилей, которые приезжали к нему из многих городов СССР: одни для того, чтобы испытать себя в единоборстве с его учениками и с ним самим, а другие, чтобы стать его учениками.

Это, в первую очередь, ленинградец Владимир Илларионов. Ниже я расскажу более подробно, при каких обстоятельствах мы с ним познакомились. В моей судьбе (в области каратэ) он сыграл определяющую роль, т.к. привёл меня к Клеману.

Наше знакомство с Илларионовым произошло при интересных обстоятельствах.

За год до этого я был на тренировке у Клемана, и благодаря той базовой подготовке, которую имел, победил практически всех его учеников, а может, и скорей всего, дело не в моём уровне, а в том, что не было самых сильных учеников. А в спарринге с самим Клеманом я потерпел фиаско – не заметил, как попался в «стойку – ловушку» и оказался в горизонтальном положении. Тогда я ещё не знал, что это закономерная участь практически всех пришельцев. После тренировки Клеман хорошо отозвался о моей защите, сказал, что видна школа, и дал понять, что я мог бы тренироваться у него. Но в тот момент я не принял верного решения, потому что занимался у Мануэля, уделяя только нунчакам по 2 – 3 часа ежедневно.

Один из моих учеников, его звали Валерий, был дальним родственником Ларина. В один из его приездов в Киев, к Клеману, Валера сказал, что может пригласить Ларина провести у нас в зале тренировку. Естественно, я согласился, т.к. Валера много рассказывал о своём родственнике (позже мой ученик признался, что инспирировал это знакомство с единственной целью – услышать мнение Ларина о моём уровне и целесообразно ли у меня тренироваться; забегая вперёд, скажу, что вердикт был положительным).

Впервые я увидел специалиста каратэ такого уровня, выросшего в нашей стране. Это был прекрасный, широкой души человек, готовый тренироваться сутками. Один из принципов, который он исповедовал, был «с кем бы ты не спарринговал, в каком бы зале ты не был, какого бы уровня спортсмены не были против тебя, даже самые слабые и неумелые – у них всегда можно чему-нибудь научиться». И он учился всему и везде.

Погонял он меня на тренировке прилично, но очень аккуратно, было чувство, что тебя внимательно и спокойно изучают, просвечивая как рентгеновскими лучами. А после тренировки Володя взял меня в оборот серьёзно и плотно, чем когда, у кого, сколько и как я занимался. Узнав о посещении секции Клемана, он резюмировал «ты потерял год», и я согласился.

Был и такой эпизод, уже во время наших тренировок у Клемана. Однажды Владимир Илларионов поймал кураж и решил по серьёзному поспарринговать с Учителем, но Клеман провёл неотразимую комбинацию, которую завершила чёткая подсечка, и лёжа на спине, Володя почувствовал железные пальцы Клемана у себя на кadyке. Но этот бой не нёс подоплеку наказания, как спарринг с соперником. Это был потрясающе красивый диалог Учителя со своим лучшим учеником.

В один из приездов, когда его пребывание в Киеве подошло к концу, Володя предложил мне съездить в Донецк к его друзьям. Там отчётливо проявился очень интересный штрих, характеризующий Ларина, и иллюстрирующий его способность брать полезную информацию. После аттестации мы сели с донецкими ребятами и решили немного расслабиться. Как правило, в компаниях расслабляющихся друзей идёт шумное обсуждение, говорится всё и обо всём. Был там и брат Евгения Галицына, Саша Гончаров, занимавшийся вьет-во-дао. Он что-то рассказывал о принципах единоборств, но внимательно слушал его только Владимир, умудряясь при этом поддерживать общую беседу. А на следующий день он сказал мне: «Саша говорил очень полезные и интересные вещи, тебе нужно развивать такое качество, как избирательность внимания и всегда помнить, что полезной информации вокруг нас море».

Кроме успехов в условиях спортивного единоборства, Ларин умел побеждать и в реальных ситуациях, когда промедление и нерешительность могли закончиться большой бедой.

Отдыхая на одном из горнолыжных курортов Кавказа, он и его ученик подверглись нападению со стороны местных джигитов. Один из нападавших попытался ударить Владимира в лицо острием лыжной палки, ответная реакция была молниеносной и очень жёсткой – у копыеносца была сломана рука. А второй нападавший, бросившийся на Владимира, покатился вниз по крутому заснеженному склону. Прецедент не из приятных, тем более, как говорится, на территории противника. Но окончание было неожиданным: вечером после стука в дверь вошли друзья пострадавших и принесли извинения за поведение своих горячих соплеменников, а также попросили принять дары Кавказа.

О Володе можно писать очень и очень много, тем не менее, к нашему сожалению, многое неизбежно остаётся «за кадром».

Это человек яркий, неординарный, прирожденный лидер, необычайно целеустремленный, с высоким интеллектом, способный усваивать и перерабатывать огромное количество информации. А сочетание яркого таланта и огромного трудолюбия дало потрясающий эффект.

Когда я узнал об его уходе (не могу произнести слово «смерть» по отношению к Володе), то испытал ощущение утраты чего-то очень большого, могучего, спокойного и дружелюбного. Не знаю почему, но такая у меня возникла ассоциация.

После ухода Володи я поместил на своей ленте, в фейсбуке, обязательство провести турнир в честь его памяти. Я сказал, что сделаю это, во что бы то ни стало, невзирая на отсутствие спонсоров (правда, я никогда не мог похвастаться их наличием), и призвал последовать моему примеру.

И вот 25 ноября 2018 года в Киеве был проведен первый «Открытый турнир по контактному каратэ», посвященный памяти первого абсолютного чемпиона СССР, Владимира Илларионова, блестящего мастера, выдающегося спортсмена и талантливого тренера. Человека, много сделавшего для развития каратэ на пространстве бывшего Советского Союза. В турнире приняли участие более 160 спортсменов из разных клубов.

Я очень рад, что сумел воплотить эту задумку в жизнь и очень хочу, чтобы такие соревнования стали традицией!